

0

ПРАВѢ НАКАЗАНІЯ.

РѢЧЬ,

**ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ
ДЕМИДОВСКАГО ЛНЦЯ,**

29 Ноября, 1859 года,

Испр. д. пр. А. ЧЕБЫШЕВЫМЪ-ДМИТРИЕВЫМЪ.

Рѣчь на казенномъ собрании

Дмитрия

ЯРОСЛАВЛЬ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЕРМАНА ФАЛЬКА.

1859.

APR 1 1932

• Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Лицея.
16 Іюня 1855 года.

Директоръ. Ляпуновъ.

М.М. Г.Г!

Находясь на очереди для произнесения въ нынѣшнемъ году обычнаго слова, я избралъ своимъ предметомъ вопросъ о правѣ наказанія. Этотъ вопросъ не только первый, но и важный въ наукѣ уголовного права. Онъ встрѣчается прежде всѣхъ прочихъ при изученіи этой науки и образъ его рѣшенія обуславливаетъ собою образъ рѣшенія всѣхъ остальныхъ.

Уголовное право имѣетъ двоякое значеніе. Оно означаетъ 1) или совокупность правъ, принадлежащихъ государству, какъ субъекту уголовной дѣятельности, (уголовное право въ субъективномъ смыслѣ), или 2) совокупность правилъ (основаній), которыя должны быть соблюдаемы государствомъ при осуществленіи имъ своихъ правъ въ сферѣ уголовной дѣятельности (уголовное право въ объективномъ смыслѣ). Только въ своей цѣлости это двоякое значеніе соотвѣтствуетъ полному понятію уголовного права. Объективныя основанія опредѣляютъ, какъ и въ какихъ случаяхъ государство можетъ и должно употреблять свою уголовную власть, и слѣд. уголовное право въ объектив-

номъ смыслѣ опредѣляетъ собою уголовное право въ субъективномъ смыслѣ. Государство имѣетъ право наказывать, насколько того требуютъ и вѣщаютъ ему въ обязанность эти основанія. То, что намъ съ одной стороны представляется какъ право: съ другой—является какъ обязанность. Обязанность есть источникъ права, и уголовное право въ субъективномъ смыслѣ истекаетъ изъ уголовного права въ объективномъ смыслѣ.

Наука имѣетъ преимущественно дѣло съ тѣми основаніями, которыя должно соблюдать государство при исполненіи своей уголовной власти. Но прежде чѣмъ говорить о нихъ, она должна узнать принципъ, который лежитъ въ основѣ принадлежащаго государству права наказанія. Изъ этого принципа, какъ изъ зерна, долженъ выростать весь организмъ уголовной власти государства со всѣми ея отдѣльными правами и обязанностями. Разсуждать объ уголовномъ правѣ, не рѣшивъ предварительно вопроса о принципѣ уголовной власти,—значить (по справедливому замѣчанію Росси) (1) низвести науку на степень ремесла.

Всѣ писатели согласны между собою въ правомѣрности уголовной власти государства и даже признають за нею не просто факультативное право, но право вытекающее изъ обязанности, т. е. кладутъ въ ея основѣ законную необходимость. Но такъ какъ убѣжденіе въ этой законной необходимости можетъ быть достигнуто различными путями, то здѣсь заключается поводъ къ разногласіямъ, породившимъ множество самыхъ разнообразныхъ теорій.

По главнымъ своимъ отличительнымъ чертамъ, всѣ эти теоріи могутъ быть раздѣлены на два рода:

1) на *абсолютныя системы*, иначе называемыя теоріями возданія (*absolute Strafrechtssysteme, Vergeltungstheorien*), и

2) *относительныя теоріи*, или системы полезности (*relative Systeme, Nützlickeits-oder Nutzenstheorien*.) (2) Изъ самаго названія уже понятенъ характеръ тѣхъ и другихъ. Абсолют-

ныя теоріи видятъ въ наказаніи нѣчто заключающееся въ самомъ существѣ извѣстныхъ дѣйствій (an sich) и непосредственно вытекающее изъ нихъ, какъ необходимое, разумное и внутреннее ихъ слѣдствіе. Въ ихъ глазахъ, наказаніе есть само себѣ цѣль.

Совершенную противоположность представляютъ относительныя теоріи. По ихъ мнѣнію, правомѣрность наказанія выводится изъ одной его полезности, необходимости, и наказаніе т. обр. получаетъ значеніе средства, а не цѣли.

Эти двѣ главныя группы теорій подраздѣляются на виды. Изъ числа сторонниковъ абсолютныхъ теорій одни основываютъ правомѣрность уголовной власти государства на категорическомъ императивѣ нравственнаго закона, по которому зло преступленія ведетъ за собою зло наказанія; другіе—на категорическомъ императивѣ діалектики, въ силу котораго неправда, какъ отрицаніе, должна быть отрицаема и этимъ отрицаніемъ отрицанія (Negation der Negation) дается положительное понятіе наказанія.—Приверженцы относительныхъ теорій видятъ въ наказаніи то мѣру предупрежденія, то орудіе устрашенія, то средство защиты. Эти различныя воззрѣнія на существо права наказанія естественно ведутъ къ различнымъ результатамъ. Отсюда понятно, какое множество теорій съ ихъ разнообразными, часто діаметрально противоположными выводами встрѣчаемъ мы на почвѣ рѣшенія настоящаго вопроса. Скажу болѣе: нѣтъ двухъ писателей совершенно согласныхъ между собою въ этомъ отношеніи. Каждый изъ нихъ если не представляетъ своей теоріи, то вноситъ, во крайній мѣрѣ, нѣкоторую особенность, нѣкоторый свойственный ему одному оттѣнокъ.

Приступая къ рѣшенію вопроса о правѣ наказанія, мы безъ сомнѣнія должны предварительно познакомиться съ этими теоріями и подвергнуть ихъ тщательному разсмотрѣнію. По справедливому замѣчанію одного русскаго писателя, двѣ опасности предстоятъ тому, кто вздумалъ бы вести мысль человѣка по новому пути, не ознакомясь вполнѣ со старыми, ею пройденными путями, именно: снова отыскивать то, что уже давно

уяснено и трудиться надъ системой, уже испытанной и уличенной въ несостоятельности. Только отчетливое знаніе прежнихъ школъ философскихъ даетъ право, признавъ ихъ ошибочность или неполноту, пытаться создать новое, болѣе полное и стройное ученіе. Трудъ прошлыхъ поколѣній не отвергается, но поглощается и пересозидается въ новый трудъ поколѣнія современнаго и въ будущій трудъ поколѣній, имѣющихъ за нимъ послѣдовать.“ Въ настоящемъ нашемъ трудѣ мы тоже считаемъ необходимымъ предпослать изложеніе и критическій разборъ уголовныхъ теорій положительному рѣшенію вопроса о правѣ наказанія. Каждая теорія можетъ показаться съ перваго взгляда истинной, и ложность принциповъ, которые полагались ими въ основѣ наказанія, открывается только изъ тщательнаго обнаруженія тѣхъ результатовъ, которые необходимо вытекаютъ изъ нихъ по строгимъ законамъ логики (и которые однако ускользали отъ вниманія писателей, такъ что они сами не догадывались, къ чему должна повести защищаемая ими теорія). Критическое разсмотрѣніе уголовныхъ теорій покажетъ намъ пройденные ложные пути и мы, не заманиваясь уже ими, тѣмъ вѣрнѣе пойдѣмъ по новому пути. Нововыбранный путь покажется вамъ, можетъ быть, тоже несостоятельнымъ, ошибочнымъ, но вы, оцѣнивая его уже не возьмете за критеріумъ ни одинъ изъ принциповъ, принятыхъ прежними теоріями.

Само собою разумѣется, что мы не станемъ разсматривать уголовныхъ теорій во всей ихъ полнотѣ. Мы должны будемъ имѣть дѣло только съ общими основными ихъ чертами, съ одними принципами, а не съ частными сторонами того или другаго сочиненія. Время и мѣсто не позволяютъ намъ входить въ подробный разборъ всѣхъ сторонъ и вопросовъ, представляющихся при изученіи уголовныхъ теорій. Сверхъ того и самая задача наша—не исторія ихъ, а послѣднее рѣшеніе вопроса о правѣ наказанія.

И такъ приступимъ къ краткому обзору уголовныхъ системъ (3) и начнемъ съ абсолютныхъ теорій какъ съ древнѣйшихъ.

I.

АБСОЛЮТНЫЯ ТЕОРИИ.

Во все времена, у всех народов, дѣйствія, признаваемые за преступныя, подвергаются извѣстнымъ вреднымъ для преступника послѣдствіямъ, которыя называются наказаніями. Повсемѣстность этаго явленія даетъ намъ право признать его столь же разумно-необходимымъ, какъ и воздаяніе нравственное. А отсюда легко заключить, что идея нравственнаго воздаянія лежитъ въ основѣ гражданскаго наказанія, и подобно нравственному воздаянію, есть нѣчто абсолютное (безусловное), заключающееся въ самой сущности преступныхъ дѣйствій и непосредственно вытекающее изъ нихъ самихъ, какъ внутреннее, неизбежное ихъ слѣдствіе. Это воззрѣніе на наказаніе было высказано и развито

а) *Теоріей нравственнаго воздаянія*, которая вела свое начало отъ Гуго Гроція и нашла полнѣйшее выраженіе въ Кантѣ.

Прежде всего постараемся уяснить себѣ сущность вопроса о нравственномъ воздаяніи, какъ принципъ гражданскаго наказанія.

Нравственное воздаяніе состоитъ въ томъ, что по устройству нашей природы, добро и зло, порокъ и добродѣтель находятъ свое возмездіе непосредственно въ самихъ себѣ, такъ что наказаніе является не въ слѣдствіе вѣншей побудительной силы, но какъ внутренній результатъ извѣстныхъ дѣйствій. Непосредственность составляетъ существенный, отличительный признакъ воздаянія нравственнаго, иначе называемаго естественнымъ, божескимъ. Этой непосредственности мы вовсе не забываемъ въ наказаніи гражданскомъ, которое, напротивъ, не мыслимо безъ посторонней, вѣншей силы. Съ другой стороны

мы не замѣчаемъ также и неразрывной связи между нравственнымъ воздаяніемъ и гражданскимъ наказаніемъ: одно нисколько не обуславливается другимъ и оба они совершенно независимы другъ отъ друга. И такъ: если въ дѣйствительности мы не видимъ ни непосредственности гражданского наказанія, ни неразрывной связи между имъ и нравственнымъ воздаяніемъ,—то на какой же нравственно-разумной необходимости основывается принципъ двойнаго воздаянія, естественнаго, внутренняго и внѣшняго, гражданского?

Такова сущность вопроса, который должна была разрѣшить теорія нравственнаго воздаянія. Посмотримъ теперь, какъ рѣшаютъ этотъ вопросъ ея защитники.

Гуго Гроцій говорить, что по законамъ природы совершившій зло долженъ и потерпѣть зло. (4) Крузій старается осмыслить это требованіе нашей природы и видитъ необходимость воздаянія въ томъ, что преступленіе есть забвеніе божественнаго закона, который, какъ воля Существа Высочайшаго, не можешь быть забываемъ безнаказанно (*Anweisung vernünftig zu leben*. 1751). Ясно, что вопросъ еще не установился тогда во всей своей опредѣленности. Оба они высказываютъ безспорную истину о необходимости воздаянія и не догадываются, что изъ словъ ихъ не видно, на чемъ основывается принципъ двойнаго наказанія,—а это только и требуется доказать. Въ 1756 году, спустя шесть лѣтъ послѣ сочиненія Крузія, появилась „Метафизика“ Баумгартена. Баумгартенъ старается пополнить мысль своихъ предшественниковъ и утверждаетъ, что наше внутреннее чувство говоритъ намъ не только о необходимости наказанія вообще, но и о необходимости внѣшнихъ средствъ наказанія. Очевидно, что это не только неученое доказательство, но даже и просто не доказательство. Точно съ такой же степенью достоверности, можно, ссылаясь на внутреннее чувство, защищать какія бы то ни было положенія. Прежде чѣмъ опираться на нравственное чувство, должно рѣшить, что дѣйствительно заключается въ его сущности; и отдѣлить то, что есть въ немъ временнаго, случайнаго, ложнаго,—иначе легко приписать ему то, что совершенно чуждо для него.

Опасность подобных категорических императивовъ и заключается именно въ томъ, что они не представляютъ никакой гарантіи противъ неправильности пониманія нашего нравственного чувства. Въ 1792 г. появилась *Нравственная философія* (Moralphilosophie) Шмида. Въ ней онъ говоритъ: „Совершенное благо для человѣка состоитъ, во первыхъ, въ высшей степени нравственного совершенства, а потомъ, во внутреннемъ блаженствѣ, какъ необходимомъ послѣдствіи нравственности. Но разумъ, не противорѣча нравственности, видитъ и во вѣншнемъ благосостояніи цѣль и предметъ своего желанія, потому что одно внутреннее благо можетъ казаться полнымъ одному чистому разуму и для человѣка, существа разумно-чувственного, не можетъ замѣнить всѣхъ другихъ благъ. Такимъ образомъ, ко внутреннему блаженству должно быть присоединено вѣншнее благосостояніе, подчиненное высшему благу (нравственности) и, въ соединеніи съ нимъ, удовлетворяющее всѣмъ разумнымъ желаніямъ конечно-разумнаго существа.“

Согласимся съ Шмидомъ, что стремленіе человѣка къ вѣншнему благосостоянію, въ предѣлахъ нравственного закона, не противорѣчитъ нравственнымъ требованіямъ; согласимся также и съ тѣмъ, что конечно-разумное существо, даже и на высшей степени духовнаго совершенства, всетаки не можетъ быть безконечно-совершеннымъ. Но откуда слѣдуетъ заключать, что бы и въ высшемъ бытіи человѣкъ оставался тѣмъ же чувственнымъ существомъ, зависимымъ отъ тѣхъ же чувственныхъ потребностей; что бы и тамъ его духовное блаженство казалось ему неполнымъ, если оно не соединяется съ вѣншнимъ благосостояніемъ? Съ другой стороны: на какомъ основаніи чувственное блаженство можетъ быть предметомъ особаго стремленія для конечнаго существа? другими словами: изъ сказаннаго Шмидомъ не видно, на какомъ основаніи человѣкъ избавляется отъ обязанности стремиться къ тому, чтобы довольствоваться одной духовной наградой, отрѣшась отъ чувственныхъ пожеланій? Если наконецъ, съ точки зрѣнія конечнаго существа, вполне законно подобное стремленіе къ вѣншнему, чувственному благу, — то неужели въ конечномъ совершенствѣ, или (вѣрнѣе сказать) въ несовершенствѣ человѣка можетъ заключаться его пра-

во на двойную награду? И неужели чувственная сторона его природы должна быть награждаема на счет его заслугъ, въ которыхъ она нисколько не участвовала и которымъ—напротивъ—она была постоянной помѣхой?

Очевидно, на эти вопросы должно отвѣчать отрицательно.

Таково ученіе Шмида. Все сказанное доселѣ о наградѣ должно относиться и къ наказанію, потому что оба эти понятія составляютъ одну идею воздаянія, которое, по различію предположеній, и является то тѣмъ, то другимъ. Слѣд. мнѣніе его о божественномъ наказаніи также недоказано, какъ и его понятіе награждающаго небеснаго правосудія.

Вы видите, какъ несостоятельны его доводы, какъ легко распадаются они при первомъ прикосновеніи. Тѣмъ не менѣе, въ вопросѣ о необходимости двойнаго наказанія, Шмидъ достигъ геркулесовыхъ столбовъ, далѣе которыхъ не пошла теорія нравственнаго воздаянія. Самъ Кантъ рѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ:

Онъ находитъ законъ наказанія вины въ идеѣ практическаго разума, т. е. выводитъ его изъ нравственнаго чувства человека, и считая эту истину недоказываемой, ограничиваясь словомъ „должно“, заставляетъ какъ бы вѣрить себѣ на слово. (5) Такимъ образомъ необходимость внѣшняго наказанія остается недоказанной и у Канта.

Но (повторяю прежде сказанное) именно въ томъ и лежитъ опасность и недостаточность подобныхъ категорическихъ императивовъ, что они представляютъ полную возможность къ неправильному пониманію нашего нравственнаго чувства. Прежде чѣмъ сослаться на подобное категорическое изрѣченіе, должно подвергнуть тщательному розысканію, что дѣйствительно лежитъ и можетъ заключаться въ нашемъ нравственномъ чувствѣ, и отдѣлить все то, что принесено къ нему извнѣ, или что ложно понято. И такъ, спрашиваемъ себя: вѣрно ли понята идея нравственнаго чувства Кантомъ и его послѣдователями, т. е.

(другими словами) уголовное право государства может ли быть основано непосредственно на нашем нравственном чувствѣ, или на присущей намъ идеѣ воздаянія?

Этотъ вопросъ, съ точки зрѣнія Кантовой философіи, представляется намъ съ двоякой стороны: съ формальной, касающейся собственно образа представленія, и съ матеріальной, относительно самаго содержанія нравственной идеи воздаянія.

Въ формальномъ отношеніи категорическій императивъ Канта является намъ просто формальнымъ требованіемъ, т. е. заключающимся въ формѣ, или духовной организаціи практическаго разума. Исходной точкой принимаетъ Кантъ положеніе, что разумъ можетъ достигнуть полной достовѣрности знанія только о присущихъ въ немъ самомъ законахъ, или образахъ мышленія и представленія; о томъ же, что лежитъ внѣ этаго закона мысли, о существѣ вещей (*Ding an sich*), его знаніе не имѣетъ никакой реальности и ограничивается познаніемъ однихъ явленій (*Erscheinung*). Эти первоначальные, прирожденные законы человеческого духа называетъ онъ формами; отсюда и требованія пракческаго разума суть только формальныя требованія, или принципы.

На это обыкновенно возражаютъ, что Кантовъ формализмъ и трансцендентальный идеализмъ давно встрѣтили себѣ противорѣчіе въ философіи; что практическое требованіе, если оно не болѣе какъ формальное, не должно имѣть никакого значенія, какъ матеріальный законъ; что должно, наконецъ, самое представленіе, будто практическія требованія нашего разума суть чистыя и совершенныя, тогда какъ онѣ получаются только изъ разсмотрѣнія нравственной природы человека и ея связи съ внѣшнимъ міромъ. Съ этими возраженіями нельзя не согласиться. Но отсюда, конечно, не слѣдуетъ заключать, чтобы онѣ имѣли цѣлью оспорить вообще истинность идеи воздаянія. Здѣсь дѣло только въ томъ, что говорить наше нравственное чувство, вѣрно ли оно понято Кантомъ и его послѣдователями?

Наше внутреннее чувство воздаянія говоритъ намъ только

то, что разумъ находить въ нравственной заслугѣ человека полное основаніе къ награждѣ, точно также какъ въ нравственной винѣ его полное основаніе къ наказанію. Но оно ничего не знаетъ о томъ, будетъ ли то внутреннее самовоздаяніе, условленное непосредственными законами природы, или же возмездіе должно проявляться какъ нибудь иначе, будетъ ли это внутреннее, или внѣшнее зло, или оба онѣ вѣдѣтъ. Понятіе о внѣшнихъ наградахъ и наказаніяхъ, будучи понятіями чисто эмпирическими, очевидно, не могутъ быть присущими нашему духу, или формѣ нашего разума, какъ говоритъ Кантъ. Напротивъ, идея воздаянія является намъ съ такою же внутренней необходимостью и безъ представленія о внѣшнемъ воздаяніи. А этого, конечно, не могло бы быть, если бы внѣшнія и внутреннія награды и наказанія были неразрывными, существенно — составными частями одной идеи воздаянія.

Едва ли нужно доказывать, что дѣйствительная жизнь не даетъ никакого повода заключать, чтобы добро и зло необходимо находили въ себѣ самихъ непосредственное, внѣшнее воздаяніе. Она, напротивъ, даетъ намъ полное право думать, что мы обманываемся относительно нашего нравственного чувства, которое не можетъ и не должно противорѣчить вѣчнымъ, непреложнымъ и разумнымъ законамъ природы.

Ко всему этому должно прибавить еще и то, что гармонія между внутренней заслугой или виной и внѣшнимъ возмездіемъ, необходимая съ точки зрѣнія теоріи нравственного воздаянія, — не осуществима. Нѣтъ никакой возможности установить между ними истинную соразмѣрность. Внутреннее и внѣшнее двѣ величины несоизмѣримы; онѣ, по самой природѣ, не могутъ быть приведены ни въ какое взаимное соотношеніе и оцѣнку. Безъ сомнѣнія и здѣсь мы ошибаемся на счетъ нашего нравственного чувства, которое представляетъ намъ необходимымъ невозможное: мѣра наказанія должна опредѣляться степенью безнравственности преступника; — но какой же судья рѣшится бросить взоръ въ самыя сокровеннѣйшія глубины человеческого сердца, съ цѣлью опредѣлить отношеніе

его свободы къ необходимости и судить челоѣка, согласно требованіямъ нравственнаго правосудія, не на основаніи отдѣльнаго, подлежащаго сужденію факта, но на основаніи всей жизни челоѣка? Скажутъ, что противорѣчіе, встрѣчаемое на землѣ, между идеей воздаянія и ея осуществленіемъ, объясняется несовершенствомъ этого міра и потому побуждаетъ насъ вѣрить въ другой порядокъ вещей, гдѣ господствуетъ полная гармонія между добродѣтелью и наградой, между порокомъ и наказаніемъ. Это значитъ, другими словами, что государство должно брать себѣ въ образецъ небесное правосудіе! У кого не закружится голова отъ рѣшенія такой задачи?

Идея воздаянія присуща намъ, связана съ нашими лучшими вѣрованіями и убѣжденіями и обща всѣмъ народамъ. Но одно Христіанство дало намъ эту идею во всей ея чистотѣ. Христіанство, предоставляя землѣ уголовную власть, возводитъ воздаяніе къ Богу; а воздаяніе полагаетъ оно не въ произвольномъ уравниеніи духовнаго матеріальнымъ, внѣшняго внутреннимъ, но во внутреннемъ, непосредственномъ уравниеніи духовнаго духовнымъ. Государство должно отдѣлить свою уголовную власть отъ карающаго возмездія. Общественное, уголовное наказаніе и нравственное, естественное воздаяніе—существенно различны между собою, хотя вытекаютъ изъ однихъ и тѣхъ же вѣчныхъ законовъ природы и съ одинаковой необходимостью обусловливаются ими.

Къ такому результату приходимъ мы, разсматривая теорію нравственнаго воздаянія, и сказаннаго—надѣюсь—достаточно для того, чтобы не сомнѣваться въ справедливости этого вывода. Мы можемъ съ полной увѣренностью сказать, что неразрывная связь между этими двумя родами воздаянія не была и не можетъ быть никогда доказана.

Но задача защитниковъ этой теоріи не ограничивалась рѣшеніемъ одного этого вопроса. 1) Нравственное воздаяніе представляется намъ въ двоякомъ видѣ: какъ награда и какъ наказаніе. Гражданское правосудіе никогда и нигдѣ не присво-

пвало себѣ права награды и оставляло за собою одно только наказаніе. Кромѣ того, 2) нравственному воздаянію подлежить всякое нарушеніе нравственного закона, т.е. не одно внѣшнее дѣйствіе, не однѣ слова, но даже желаніе и помысленіе, потому что передъ нравственнымъ судомъ внѣшнее дѣйствіе важно только какъ проявленіе внутренняго движенія души, которое одно имѣетъ за собою самостоятельное значеніе; между тѣмъ всѣ законодательства устраняютъ отъ вѣдомства общественной власти и гражданскаго наказанія почти всѣ чисто личныя безнравственные и противорелигіозныя поступки; изъ числа внѣшнихъ правонарушеній (*Rechtsverletzung*) подвергаютъ уголовнымъ наказаніямъ однѣ преступленія (*Verbrechen* и *Vergehen*) и оставляютъ безнаказанными гражданскія правонарушения (*bürgerliches Unrecht*). Таковы два главныхъ различія между естественнымъ и гражданскимъ наказаніемъ. Мысль о совершенной тождественности между ними и вообще смѣшеніе нравственного и юридическаго закона,—и въ исторіи народовъ, и въ философіи права,—принадлежитъ эпохѣ младенчества. Понятно, почему приверженцы теоріи нравственного воздаянія поставили себѣ задачей,—отдѣлить нравственность отъ права, разграничить гражданское и естественное воздаяніе и въ тоже время, положивъ послѣднее въ основу перваго, помирить ихъ между собою. Разсмотрѣвъ эту теорію съ этой стороны, мы еще яснѣе и нагляднѣе увидимъ, что нравственное воздаяніе не можетъ быть принципомъ гражданскаго наказанія.

Съ Гуго Гроція идетъ рядъ попытокъ, но первому Канту удалось разграничить законъ положительный отъ нравственного и гражданское наказаніе отъ естественнаго воздаянія. (6) Еще прежде, какъ мы разсмотримъ ученіе Канта, мы уже можемъ сказать, какъ противорѣчитъ подобное разграниченіе идею естественнаго возмездія. Безъ дальнѣйшихъ доказательствъ видно, что идея наказанія, лежащая въ нашемъ нравственномъ чувствѣ, только произвольно можетъ быть ограничена известнымъ родомъ безнравственныхъ дѣйствій, ибо подобнаго ограниченія должно основываться на другихъ началахъ, о которыхъ ничего не знаетъ наше нравственное чувство. Согласно его требованіямъ, ни одинъ, самый малѣйшій грѣхъ

не долженъ пользоваться привилегіей безнаказанности, не говоря уже о важныхъ гражданскихъ правонарушенияхъ, которые между тѣмъ не только не подвергаются наказаніямъ, но которые обыкновенно пользуются нѣкоторымъ покровительствомъ законовъ. Нужно ли упоминать о томъ, что невозможность ограниченія нравственнаго воздаянія однимъ карающимъ возмездіемъ понятна еще нагляднѣе? Награда и наказаніе являются нашему внутреннему чувству съ одинаковой внутренней необходимостью: онѣ составляютъ единую, нераздѣльную идею воздаянія. Подобное же ограниченіе (конечно вполне разумное въ примѣненіи къ положительнымъ законодательствамъ) не вытекаетъ нисколько изъ нашего внутреннего чувства. И если государство, отказываясь отъ обязанности награждать, оставляетъ за собою право наказанія, — оно руководствуется въ этомъ случаѣ инымъ принципомъ. Абсолютисты говорятъ, что по началамъ строгой справедливости, безукоризненность жизни составляетъ долгъ чловѣка, а исполненіе долга не награждается. Но соглашаясь съ этой мыслью, мы тѣмъ самымъ разрушаемъ половиною нашего нравственнаго чувства и отрицаемъ необходимость награды вообще, между тѣмъ сами абсолютисты только гражданское правосудіе хотятъ ограничить однимъ карающимъ возмездіемъ.

Но посмотримъ, какъ доказываетъ Кантъ идею юридическаго наказанія (*poena forensis*) въ противоположность нравственному (*poena naturalis*), признавая въ тоже время послѣднее за принципъ перваго? (7)

Кантъ выводитъ понятіе права не изъ нравственнаго закона (нравственнаго понятія обязанности). Слѣдуетъ искать основаніе, или источникъ всеобщаго понятія права въ идеѣ вѣчной свободы чловѣка, которая обуславливаетъ собою возмездіе за исполненіе нравственнаго закона, потому что безъ сдѣланія вѣстной вѣдательности было бы невозможно чловѣку удовлетворить нравственнымъ требованіямъ своей природы. Это эта вѣстная свобода дана всѣмъ людямъ поровну и слѣдовательно не можетъ быть безграничной. Крутъ дѣйствія воли каждаго чловѣка ограничивается кругомъ дѣйствія свободы другихъ